

ТЕОРИЯ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ

В.В. ВОЛЬЧИК, *д.э.н., профессор,*
Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КООРДИНАЦИЯ И ИНСТИТУТЫ

I

В современном обществе быстро увеличивается количество информации. Если сто лет назад человек сталкивался скорее с недостатком информации, то сейчас ситуация диаметрально перевернулась. Изменились технологии, связанные с производством и обработкой информации. Носители информации, которые доступны каждому, могут вмещать значительные объемы данных, ранее недоступные не то что отдельному индивидууму, но и целым университетам и научным сообществам. Но что осталось неизменным и как это неизменное оказывает влияние на жизнь в современном мире? Во многом неизменными остались институты, которые тоже имеют информационную природу и структурируют повторяющиеся взаимодействия в обществе.

Институты - это не мистические правила, которые даны нам свыше и должны быть неизменными всегда или длительное время. Их информационная природа заключается в том, что с помощью институтов индивиды могут значительно расширить возможности по извлечению и обработке релевантной информации. Институты способствуют получению информации о предпочтительных вариантах действий экономическим акторам наряду с информацией, содержащейся в рыночных ценах. Институты создаются группами интересов и существуют, пока позволяют сравнительно эффективно в рамках этих групп (больших или малых) осуществлять координацию деятельности входящих в них индивидов. Если группы стабильные и успешные, то и институты существуют долго в неизменном виде. Но все равно, рано или поздно институты подвержены изменениям.

Проблема координации хозяйственной деятельности не может рассматриваться отдельно от проблемы формирования и использования знания в обществе. Типы координации определяют возможности и глубину использования знания, которое может принимать явные и неявные формы.

Хозяйственная координация различна и может принимать три основные формы: цено-

вая координация, управленческая координация, институциональная координация. Данный подход, хоть и с некоторыми допущениями, согласуется с концепцией трех видов трансакций сделок управления и рационализации у Дж. Коммонса [27]. Институты, как и система цен, дают сигналы о возможных, предпочтительных и нежелательных вариантах поведения. Также формирование институтов зависит от ценового механизма, вернее от изменения относительных цен. Д. Норт отмечал, что сдвиги в технологиях или относительных ценах являются одной из движущих сил институциональных изменений [13, с.69-73]. Однако верно и обратное, что существующие институты оказывают влияние на относительные цены и, следовательно, изменение институтов почти всегда затрагивает изменение относительных цен.

Благодаря институтам индивиды не только получают информацию о санкционированных и запрещенных видах действий, но также формируют свои поведенческие и познавательные модели действий [2,5]. Однако необходимо принимать во внимание взаимосвязь между институтами, неявным знанием и информацией. Знание заключается в возможности поиска и использовании релевантной информации для осуществления обменов как экономических, так и социальных. С помощью неявного знания, которое создается в результате рыночных взаимодействий, становится возможным использовать больше релевантной информации, чем при альтернативных способах координации, создания и использования знания.

В экономической литературе существует несколько классификаций форм знаний, которые используются в процессе экономической деятельности. Например, Ж. Сапир выделяет пять пар форм знаний: предметное (сущностное) знание / процедурное знание, явное знание / неявное знание, накопленное знание / необходимое знание, отрефлексированное знание / рефлекторное знание, осознанное знание /

© В.В. Вольчик, 2011

умонастроение [17, с.163-166]. В многочисленной научной литературе социальные философы, представители институционализма и австрийской школы (в традиции Ф. Хайека) используют концепты неявного знания (tacit knowledge), неартикулируемого знания (inarticulate knowledge), локального (local knowledge), рассеянного знания (dissemination knowledge), личного знания (personal knowledge) [24, 22, 23, 30, 15, 33, 35].

Традиционно проводится различие между знанием и информацией. Так согласно П. Дэвиду и Д. Форэ: «Знание – в любой области – дает возможность его обладателям производить соответствующие интеллектуальные или физические действия. Следовательно, что бы мы ни подразумевали, используя термин «знание», на самом деле это имеет отношение к вопросу о познавательной способности» [7, с. 34]. Согласно трактовке этих же авторов: «Информация же имеет форму структурированных и форматированных данных, которые остаются пассивными и инертными, пока не используются людьми, обладающими знанием, необходимым для их интерпретации и обработки» [7, с. 34]. Таким образом, знание представляет собой своеобразный инструмент, посредством которого индивиды получают, интерпретируют и используют информацию.

Знания могут рассматриваться как существующий запас или как процесс. Таким образом, совокупный объем полезного знания в обществе может быть определен как совокупность всех отдельных личностных полезных знаний и полезных знаний в местах его хранения [33]. Дж. Мокир также разделяет собственно полезное знание и технологию, которая представляет собой набор принципов и методов по использованию природы в целях человека [33]. Полезное знание и технологии представляют собой именно запас знаний, который накапливается в процессе культурной эволюции общества и существует в кодифицированной форме на различных носителях.

Неявное знание в трактовке австрийской школы представляет собой совсем иной феномен. Это, прежде всего, знание, образующееся в процессе экономических обменов. Неявное знание позволяет предпринимателям получать и интерпретировать релевантную информацию, которая в отсутствие рыночных обменов была бы не только недоступна, но и вообще не создана. Согласно нашей концепции, при формировании институтов важнейшую роль играет именно такое неявное (или рассеянное) зна-

ние.

Сама природа неявного знания не предполагает его кодификации. Ценность неявного знания заключается в возможности аккумуляции информации, которая является источником и результатом экономических и социальных обменов. Однако сами рынки отнюдь не автоматически гарантируют, что существующее неявное знание будет использовано акторами для успешных конкурентных действий на том или ином рынке. Здесь важно понимать ту роль, которую играют институты в обеспечении рыночной координации и самом функционировании рынков как механизмов обмена.

Опыт связан с приобретением обоих видов знания – явного и неявного, однако неявное знание, которое является знанием взаимодействий, не может быть рационально трансформировано в явное знание. Хайек отмечает, что мы на самом деле не в состоянии изложить все правила, которые регулируют наше восприятие и действия. Мы всегда знаем не только больше, чем мы можем сознательно использовать, но также больше, чем мы можем осознать. Много, что мы успешно делаем, зависит от предпосылок, которые находятся вне диапазона, что мы можем либо сформулировать, либо осмыслить [25].

Неявное знание, которое формируется в результате экономических и социальных обменов, отличается от имплицитного знания, которое родственно организационным знаниям и технологиям. В эволюционной экономике [12] имплицитное знание фирмы отражено в существующих рутинах, что позволяет справляться с проблемой ограниченной рациональности [28]. Объединение подхода к исследованию ограниченной рациональности в традиции Г. Саймона с концепцией неявного знания уводит нас от центральной проблемы спонтанного формирования неявного знания. Рутин являются внутриорганизационными правилами, которые являются результатом трансакций управления, и отражают накопленное знание организации.

Хотя концепция неявного знания и акцентирует внимание на том, что рыночные взаимодействия в экономике позволяют наилучшим образом использовать рассеянное знание в обществе, но это кардинальным образом отличается от утверждений подобных гипотезе эффективных рынков. Рынок функционирует и генерирует ценовые сигналы, позволяющие эффективно размещать имеющиеся ресурсы

только при условии существования институтов, позволяющих совершаться добровольным рыночным обменам. Но рынки не возникают и не могут функционировать в институциональном вакууме. Концепция неявного знания отталкивается от тезиса, что будущее не познаваемо (в отличие, например, от гипотезы рациональных ожиданий, где принимается обратная предпосылка [19, с. 59]). Рынок способствует эффективному распределению ресурсов только при наличии институтов, создающих конкуренцию. Конкуренция является довольно затратным механизмом согласования предпочтений. Однако важность конкуренции именно в том, что она позволяет использовать неявное знание, что приводит к результатам, которые невозможно предсказать или спланировать [21].

Для того, чтобы рыночная конкуренция приносила плоды в виде повышения благосостояния и создания новых продуктов и технологий, необходимы соответствующие институты. Реформы в постсоциалистических странах во второй половине двадцатого века показали, что создание институтов по одному, пускай и «научно обоснованному» шаблону продвинутых учебников по экономике приводило чаще всего к неудовлетворительным результатам. В результате «либеральных рыночных реформ классной доски» вместо эффективных рынков господствовали монополии, вместо частной собственности функционировал институт власти-собственности, вместо формирования широкого среднего класса возникала чудовищная дифференциация доходов. Возникает вопрос, так как же создать эффективные институты? Ответов на данный вопрос в последнее время появилось достаточно [14, 11, 26].

Институты не универсальны. Вследствие специфичности неявного знания институты, хоть и имеющие похожие названия, например, частная собственность, также отражают специфичность того хозяйственного порядка, в котором они функционируют. Экономические и социальные обмены формируют неявное знание, которое позволяет актерам получать информацию, необходимую для эффективной (по их оценкам) деятельности. Повторяющиеся взаимодействия (обмены) осуществляются актерами, которые следуют определенным правилам. В свою очередь, правила есть результат интерпретации неявного знания в процессе социальной эволюции. Поэтому институты, чтобы способствовать расширению и увеличению интенсивности обменов, должны вырастать

вместе с неявным знанием из рыночного процесса. В любой момент времени мы сталкиваемся с существующими институтами, которые отражают прошлый запас накопленного знания, и текущим неявным знанием, которое через интерпретацию и действия акторов отразится в будущих институциональных изменениях. Следовательно, для исследования динамики институциональной организации общества необходимо осуществлять глубокие и длительные качественные исследования институциональной организации хозяйственного порядка.

II

Институциональная экономическая теория должна давать адекватное понимание экономических процессов для разработки релевантных мер регулирования. Как бы мы не верили в эффективность рынка, государственное регулирование является той реальностью, которую нельзя игнорировать.

Целенаправленные изменения формальных институтов зависят от инерционности неформальных институтов. Мы можем планировать какие угодно институциональные реформы, связанные с импортом самых передовых институтов, но наши планы будут разбиваться о рифы неформальной институциональной среды, если она совершенно не комплементарна внедряемым институтам [4]. Какие преимущества дает следование правилам, содержащимся в институтах по сравнению с действиями на основании рационального расчета? Ответ на этот вопрос связан с феноменом неявного знания, аккумуляция которого во многом связано с существованием и регулирующей ролью институтов в обществе.

Государственное регулирование как форма институционального дизайна, ведет к созданию институтов и организаций, создающих новое знание. Такое знание, в дополнение к рыночным сигналам, должно способствовать функционированию рыночного механизма с учетом целей и инструментов регулирующих государственных структур. Например, одним из важнейших подобных институтов и организаций является институт рейтинговых агентств. Этот институт в современном виде начал формироваться в США. В первую очередь, созданию рынка услуг рейтинговых агентств способствовало государственное регулирование финансовых рынков со стороны Комиссии по ценным бумагам и биржам США (Securities and Exchange Commission). Эконо-

мическая функция рейтинговых агентств состоит в снижении асимметрии информации. Однако значимость рейтингов для национальной и мировой экономики позволяет рейтинговым агентствам в определенных случаях манипулировать поведением инвесторов и регулирующих организаций. Действия рейтинговых агентств есть не что иное, как очередная попытка «помочь» рынку с помощью различных форм рационализации [1]. Действия рейтинговых агентств в предкризисный период способствовали тому, что инвесторы были дезориентированы высокими рейтингами производных ценных бумаг, связанных с токсичными активами. Функционирование института рейтинговых агентств обнажило проблему, заключающуюся в том, что тот, кто раздает рейтинги, получает плату от эмитента облигаций и, следовательно, заинтересован в недооценке риска, выпадающего на долю их покупателей [19, с. 50]. Кроме конфликта интересов, который явно просматривается в действиях рейтинговых агентств, их негативная роль заключается в попытках создания информации, не учитывающей рассеянного или неявного знания, которое создается в результате рыночных взаимодействий.

Важнейшей стороной государственного регулирования является создание и изменение институтов. Но, чтобы изменять институты, необходимо знать текущее состояние институциональной организации экономики. Институты не всегда легко выявить в контексте социальных и экономических взаимодействий. Если формальные институты, хотя бы вследствие своей природы, явно отражены в письменных источниках, то неформальные институты могут быть выявлены только в контексте дискурса акторов. Неформальные институты непосредственно связаны с неявным знанием, отражением которого они являются. Процесс формулирования в явной форме неявных знаний иногда порождает, хотя и ненамеренно, новые правила. Однако сформулированные правила не только не могут полностью вытеснить несформулированные, но, напротив, должны действовать и интерпретироваться только в рамках еще несформулированных правил [25, с. 97].

При планировании институциональных реформ важно адекватно представлять проблему, которая подлежит институциональному регулированию. Здесь необходимо принимать во внимание человеческую интенциональность

и проблему «социального иллюзионизма»¹. Необходимо учитывать, что наши интенции могут не всегда адекватно соответствовать тем или иным случаям выбора (если вы не сделали то, что намеривались сделать, значит вы изначально установили для себя неверные предпосылки и ваша интенция не принадлежит к числу правильных интенций) [18, с. 40]. Интенциональность имеет прямое отношение к формированию институтов. Д. Норт отмечал, что институты должны находить объяснение в терминах интенциональности человека [14, с. 69]. Согласно Дж. Серлю, интенциональность имеет отношение к тому аспекту психических состояний человека, благодаря которому они направлены на положения дел в мире, находящемся вне их. Убеждения, страхи, надежды, желания и стремления - все это суть интенциональные состояния, равно как и любовь, и ненависть, опасения и радость, гордость и стыд [18, с. 52]. Концепция человеческой интенциональности наряду с концепцией неявного знания дает ключ к пониманию процесса формирования и изменения институтов в условиях фундаментальной неопределенности и нарастания институционального разнообразия.

Перефразируя известное выражение Хайека о том, что культура представляет собой передачу во времени совокупного объема знаний [29, р. 27], можно сказать, что институты представляют собой передачу во времени неявного знания, интерпретированного ранее акторами в результате рыночных взаимодействий. Спонтанные взаимодействия в ходе рыночного обмена создают знание, которое закрепляется в институтах. Таким образом, институты могут возникать непреднамеренно, т.е. являются «непреднамеренным последствием отдельных действий людей» в ходе стихийным образом структурированных взаимодействий и представлять собой т.н. «спонтанные институты» [6, с. 24-25].

Спонтанность формирования институтов не означает, что мы не можем влиять на процесс их эволюции. Более того, государственная экономическая политика, меняя правила игры, неизбежно отражается как на процессе форми-

¹ Термин «социальный иллюзионизм» предложил П. Сорокин для обозначения ситуации, когда следование мнимым идеалам приводит к достижению результатов, прямо противоположных официально декларируемым целям [20]. Данная ситуация представляет собой случай неверной интерпретации существующей информации в условиях несформировавшихся новых социальных институтов.

рования неявного знания, так и на процессе формирования и изменения институтов. Экономическая наука должна способствовать процессу идентификации существующих институтов. Конструктивистская (интерпретативная) институциональная экономическая теория разрабатывает теоретические и эмпирические инструменты для выявления релевантных институтов [8, 9, 10].

III

Концепция неявного знания возникла в работах видного представителя австрийской школы Ф.А. Хайека. Однако работы Хайека, как любого великого мыслителя, выходят за канонические рамки одной школы. Важным может считаться факт разногласий между Хайеком и Мизесом по поводу места априорных и эмпирических методов в экономических исследованиях. Хайеку не удалось убедить Мизеса в том, что анализ рыночной экономики носит не только априорный характер, и что на самом деле такой анализ полностью основан на эмпирике. Хайек отмечал, что априорной является только его логика – логика индивидуального действия, но когда вы берете за отправную точку действие одного индивида, возникает причинно-следственный процесс: человек учится и основывается на действиях другого. А этот процесс не может носить априорный характер. Он может быть только эмпирическим [31].

Подходы в социальных науках, которые не учитывают значимости неявного знания, могут способствовать попаданию в ловушку «пагубной самонадеянности» в процессе конструирования правил, норм и институтов. Кризис, начавшийся в 2008, году тому яркое подтверждение. Если мы признаем значимость неявного знания, то мы должны признать значимость институтов, которые являются его основным отражением. Именно институты позволяют актерам использовать информацию, рассеянную во множествах рыночных взаимодействий. Но экономисты, следуя мейнстримовской формалистической традиции, фактически игнорировали, и, следовательно, не использовали при объяснении существующего положения дел меняющиеся, и не всегда в эффективном направлении, институты [16, 32, 19]. Экономическая наука сама попала в ситуацию зависимости от предшествующей траектории развития, где вследствие эффекта блокировки была замкнута на субоптимальную траекторию [3].

Для исследования институтов количественные методы подходят мало или даже вовсе бесполезны. Формалистические подходы, например теории игр, также немного могут сказать о сути правил, которые непрерывно возникают и изменяются в ходе эволюции конкретных хозяйственных порядков. Чтобы понять, какие институты действительно существуют и используются актерами в повторяющихся экономических взаимодействиях, необходимо проводить качественные эмпирические исследования в традиции традиционной институциональной экономики Дж. Коммонса и исторической школы Г. Шмоллера. В рамках конструктивистской институциональной экономической теории также полезно использовать опыт исследования институтов, накопленный в социологии, политологии и социальной психологии.

Активизации качественных институциональных исследований может способствовать регулярный институциональный мониторинг, проводимый, например, в отдельных регионах организованными научными группами. Институциональный мониторинг должен включать исследования текстов нормативных актов, проведение интервью с актерами, занятиями в различных отраслях экономики, обобщение и анализ полученных данных для выработки адекватного представления о состоянии институциональной организации региональной и национальной экономики.

Литература

1. Вольчик В.В. Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности // TERRA ECONOMICUS. – 2010. – Т.8. – №2.
2. Вольчик В.В., Зотова Т.А. Экономическое поведение в контексте эволюции институтов // TERRA ECONOMICUS. – 2010. – Т.8. – №4.
3. Вольчик В.В. Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – Т. 1. № 3. – 2003.
4. Вольчик В.В., Бережной И.В. Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // TERRA ECONOMICUS. – 2009. – Т.7, – №2.
5. Вольчик В.В., Оганесян А.А. Институты, информация и институциональная структура экономики // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2010, –

Т. 1. – №2.

6. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? // TERRA ECONOMICUS. – 2009 Том 7. – № 1. – с. 24-25.

7. Дэвид П., Форс Д. Экономические основы общества знания // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. – Т.1. – №1. – с. 34.

8. Ефимов В. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики, – 2007. – № 8.

9. Ефимов В.В. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // Экономическая социология. – 2011. – Т. 12–. №3.

10. Ефимов В.М. Спор о методах и институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т.5. – №3.

11. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А. Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. – 2005–. №5.

12. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. – М., 2000.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997.

14. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений– М.: ГУ ВШЭ, 2010.

15. Полани М. Личностное знание. М., 1982.

16. Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Новая экономическая ассоциация (<http://www.econorus.org/sub.phtml?id=149>).

17. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики. – М., 2001. – С. 163-166.

18. Серль Дж. Рациональность в действии. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 40.

19. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. – М.: Юнайтед Пресс, 2011.

20. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. – 1992. – № 4.

21. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и междуна-

родные отношения. – 1989. – №12.

22. Хайек Ф.А. Использование знания в обществе // Индивидуализм и экономический порядок. – М., 2000.

23. Хайек Ф.А. Контрреволюция науки (Этюды о злоупотреблении разумом). – М., 2003.

24. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М., 1992.

25. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода. – М.: ИРИСЭН, 2006.

26. Цирель С.В. «Qwerty-эффекты», «path dependence» и закон Седова или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2005. – Т.3. – №3.

27. Commons J. Institutional economics its place in political economy. News Brunswick (NJ) USA: Transaction Publishers, 1990.

28. Foss Nicolai J. Bounded rationality and tacit knowledge in the organizational capabilities approach: an assessment and a re-evaluation // Industrial and Corporate Change, 2003. Volume 12, Number 2, pp. 185–201.

29. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press. 1960. P. 27.

30. Hayek, F. A. The Sensory Order, London: Routledge & Paul Kegan.1952.

31. Interview with F.A. Hayek // Cato Policy Report, vol. V, no. 2, February 1983.

32. Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? // New York Times Magazine, September 2nd, 2009.

33. Mokyr J. Knowledge, Technology, and Economic Growth During the Industrial Revolution // Technology and Productivity Growth. Bart Van Ark and Gerard Kuper, eds., The Hague: Kluwert, 2000.

34. Oguz F. Hayek on tacit knowledge // Journal of Institutional Economics. 2010. Vol. 6. No. 2, p. 145–165.

35. Ryle, G. The Concept of Mind, New York: Barnes & Noble 1949.

Статья поступила в редакцию 30.06.2011